

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.1

Л. С. Бляхман

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И СМЕНА ПАРАДИГМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Введение

Кризис, начавшийся как финансово-долговой, выступает ныне как социально-экономический и системный. Выход из кризиса требует не частных, а стратегических управленческих решений, связанных с переходом от индустриального и рентно-долгового к социально-инновационному капитализму, использующему для своего развития прежде всего общественные, а не только частные производительные силы.

Новая индустриализация означает модернизацию и создание новых рабочих мест в кластерах и цепях поставок, предъявляющих устойчивый спрос на инновации. Критерием ее эффективности является повышение производительности не только живого, но и овеществленного в энергетических, материальных и капитальных ресурсах труда при обязательном и первоочередном обеспечении социального развития, рациональной занятости населения и экологической устойчивости.

Методологические проблемы создания инновационной экономики и преодоления системного кризиса исследовали Л. Абалкин, А. Аузан, С. Глазьев, Р. Гринберг, Е. Гурвич, С. Гуриев, А. Дынкин, К. Рихтер, В. Мау, В. Палтерович, Н. Пахомова, В. Рязанов, Ю. Яковец, В. Якунин, Е. Ясин и другие экономисты.

Леонид Соломонович БЛЯХМАН — д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры экономики предприятия и предпринимательства СПбГУ. В 1953 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1956 г. защитил кандидатскую, в 1964 г. — докторскую диссертации. С 1953 г. преподает на факультете. Подготовил более 100 кандидатов и докторов наук. Является почетным профессором Казахского экономического университета им. Т. Рыскулова. В 1995–2012 гг. — эксперт Межпарламентской ассамблеи СНГ. Научные интересы — теория структурных и хозяйственных реформ, экономика НТП, экономика и социология труда. Автор более 350 научных работ, соавтор и научный редактор более 30 монографий по проблемам научно-технической революции, экономики науки, хозяйственных реформ, экономики предприятия, экономики труда. Ряд работ опубликован на немецком, польском, английском языках; e-mail: lbliakhman@gmail.com

© Л. С. Бляхман, 2013

Финансовый, экономический и социально-системный кризис

За последние несколько лет ведущие университеты мира издали около ста монографий о причинах, природе и последствиях глобального кризиса. Большинство из них посвящено финансовому кризису, который впервые затронул не периферийные страны (Аргентину, Мексику, Малайзию, Россию и т. д.), а мир в целом. П. Кругман и Р. Лэйярд в статье «Экономический манифест здравого смысла» [1] считают непосредственной причиной кризиса чрезмерные заимствования в частном секторе и рисковое кредитование банков с высоким уровнем задолженностей. Это привело к сокращению расходов частного сектора, спроса потребителей, а в итоге — к депрессии и росту госдолга. По данным *World Economic Forum* [2], в 2007–2014 гг. долг двадцати развитых стран вырос с 78 до 118% ВВП. В семнадцати странах еврозоны он уже в 2012 г. превысил 87% ВВП, в том числе в Греции — 165%, Германии и Франции — 81–86%, Индии и Бразилии — 64–68%. В США не обеспеченные гособязательства достигли 100 трлн долл., госдолг — 102% ВВП. Совокупный потребительский долг с 1971 г. вырос, по данным МВФ, на 1700% и превысил 92% ВВП (в Германии и Франции — по 60%, в Испании — 87%).

Экономисты Массачусетского технологического института (MIT) [3] связывают это с ошибочной либеральной политикой. Из-за отсутствия глобального регулирования финансового рынка цена производных ценных бумаг, не имеющих материального обеспечения, уже в 2006 г. достигла 473 трлн долл. — в 10 раз больше мирового ВВП [4]. Инвестиционные банки эмитировали квазиденьги без контроля центробанков и сыграли, по данным комитета Конгресса США [5], особую роль в финансовом коллапсе.

В публикациях Гарвардского университета [6] макроэкономические причины кризиса связываются с трагедией плохих идей (the tragedy of bad ideas) о финансовом дерегулировании, которые привели к пузырям и инфляции на рынке активов (Assets price inflation), падению доходов среднего класса и т. д. Модель, подчинившая общественные блага (Common goods) рыночным, привела к саморазрушению экономики (economy cannibalized itself). Необходима новая парадигма соотношения финансов и производства. Наибольший урон понесли малые страны, развивавшие преимущественно финансово-долговой сектор, — Исландия, Греция [7], Кипр (активы его банков во много раз превышают ВВП), Латвия и т. д. Сектор услуг и дешевые кредиты не компенсировали сокращение реального производства, рост импорта промтоваров и продовольствия.

В России госдолг составил в 2012 г., по данным Центробанка (ЦБ), всего 9,2%, а долги граждан — 10,6% ВВП. Кризис проявился, прежде всего, в росте доли конъюнктурных нефтегазовых доходов в ВВП (в 2009–2011 гг. с 7,6 до 10,4%) и бюджете (до 40–50%). По оценке Всемирного банка, без учета этих доходов дефицит счета текущих операций в 2011 г. составил 13%, а бюджета — около 10% ВВП. Средняя цена одного кв. м жилой площади в Москве в 2000–2008 гг. выросла в 9 раз, а квартиры площадью 80 кв. м на вторичном рынке — с одной до 15 среднегодовых зарплат. В то же время капитализация 30 крупнейших компаний, включая Газпром, Аэрофлот, Роснефть, Сбербанк и т. д., в 2012 г. составила всего 530 млрд долл. — меньше, чем одной *Apple* (620 млрд долл.). Сумма банковских кредитов населению в России намного ниже, чем в странах ОЭСР (по данным ЦБ РФ, соответственно, 12 и 60–80% ВВП), но она росла в 2011–2012 гг. втрое быстрее корпоративных кредитов и давала банкам во много раз большую прибыль (до 20% и 2–3%).

Главным следствием либерально-экономической политики в России стала высокая доля теневой экономики (по оценке ЦБ, около 30% ВВП), бюджетной коррупции,

офшорного бизнеса и вывоза капитала. По данным ЦБ, незаконно обналичивается 1,5 трлн рублей в год, для этой цели ежегодно создается до 1000 фиктивных юридических лиц. Наличная денежная масса составляет в России до 12% ВВП (в США — 6,6%) — четверть денежного оборота. По мнению представителей Сбербанка, Россия теряет на этом из-за коррупции и уклонения от налогов 1% ВВП в год. По оценке Института экономики РАН [8], до 10% бюджета составляют прямые откаты (оплата поставок по завышенным ценам и невыполненных работ), а еще столько же — нецелевое и неэффективное использование средств бюджета. Вложения физических и юридических лиц в зарубежную недвижимость в 2007–2011 гг. выросли с 5,5 до 12 млрд долл.

По данным *The price of offshore*, на офшорных банковских и инвестиционных счетах (без учета недвижимости, яхт и т. д.) в мире хранится до 32 трлн долл. (совокупный ВВП США и Японии). Только развивающиеся страны в 1970–2010 гг. вывели на эти счета 7–9 трлн долл. По расчетам *McKinsey*, из России за последние 20 лет с помощью фиктивных ценных бумаг и внешнеторговых контрактов, фирм-однодневок и брокерских контор, организующих многократную фиктивную перепродажу активов, вывезено 800 млрд долл. — больше, чем из Ю. Кореи (779 млрд долл.), Бразилии (520 млрд), Украины (167 млрд), Казахстана (138 млрд) и т. д. До 90% крупных компаний России зарегистрировано в офшорах. Инвестиции в финансовые активы превышали вложения в основной капитал в 2000 г. в 1,2, а в 2008 г. — уже в 3,6 раза.

Институт монетарных и экономических исследований в Токио [9] показал, что роль цен, налогов и кредита в современной экономике существенно изменилась. Это подтверждает математическое моделирование финансово-долгового кризиса. Не оправдали себя основанные на новом неоклассическом синтезе идеи таргетирования инфляции как режима монетарной политики, ориентированного на модели общего равновесия. В публикации Оксфордского университета [10] обоснована необходимость глобального регулирования финансового рынка.

Сторонники неоклассической концепции, основываясь на теории финансового мультипликатора, связывают выход из кризиса с уменьшением вмешательства государства в экономику. В серии статей Лоханиана (Университет Калифорнии в Лос-Анджелесе) в *Journal of Economic Perspectives* утверждается, что и в 1930-х, и в 2000-х годах сокращение кредита не имело решающего значения, так как собственные средства корпораций были достаточны для инвестиций. Российские либеральные экономисты также видят выход из кризиса в сокращении расходов госбюджета (в 2008–2012 гг. они выросли с 7 до 12,7 трлн рублей, причем 18,4% доходов уходит на пенсии и пособия), банкротстве неэффективных собственников и отказе от субсидирования инвестиционных проектов за счет избыточной задолженности, стимулировании сбережений [11]. По оценке *Boston Consulting Group*, в Европе делают сбережения половина, в Индии — 70%, а в России — только четверть домохозяйств.

Сторонники неошумпетерианской концепции, напротив, исходят из определяющей роли немонетарных факторов — развития технологий и инноваций, в том числе в сфере услуг, институтов рынка труда [12]. Особое внимание уделяется экологическим основам устойчивого развития [13], а также управлению экономическими, технологическими и экологическими рисками [14].

Новое звучание обрели идеи К. Маркса о всеобщем интеллекте, индивидуальном и социальном знании, науке и общественных производительных силах. Переход от неомарксистских к постмарксистским аналитическим концепциям рыночного соци-

ализма и политической экологии связывается с идеями Грамши [15]. Однако анализ абстрактного труда, прибавочной стоимости и средней нормы прибыли, проведенный Г. Каршеди [16], не объясняет природу нынешнего кризиса. При исследовании перспектив развития экономической науки в 2009 г., в частности, в работах В. Т. Рязанова [17], а также К. К. Рихтера и Н. В. Пахомовой [18], было отмечено, что кризис вызван не циклическим перепроизводством товаров, а несоответствием системы управления новой экономике. Долговые проблемы и рецессия в еврозоне — лишь верхушка айсберга структурных проблем многовекторного мирового развития.

Весьма важна роль Китая в международном экономическом дисбалансе [19]. В ближайшие годы Китай уже не сможет покрывать торговый дефицит США, так как переориентирует свою экономику на внутренний спрос, в том числе за счет роста внутреннего долга. По оценке ЦБ Китая, он достиг 1,7 трлн долл. (в Греции — 350 млрд, в Испании — 630 млрд, в Италии — 2,4 трлн долл.) и превышает годовой бюджет (1,6 трлн долл.). По оценке *Boston Consulting Group*, среднемесячная зарплата городских рабочих Китая достигла к 2013 г. 345 долл. — больше, чем в Мексике [20]. Это привело к перемещению иностранных инвесторов в Индонезию, Бангладеш, Вьетнам и т. д. При этом душевой ВВП остается низким (8,5 тыс. долл. по сравнению с 49 тыс. в США и 17 тыс. в России), особенно в сельских регионах, а темп прироста ВВП снижается (2010 г. — 10,3%, 2011 г. — 9,2%, 2012 г. — 8%).

Экономика США удерживается на плаву за счет монетизации долга. В 2008–2012 гг., по данным Федеральной резервной системы (ФРС), эмитировано около 2 трлн долл. и еще столько же востребовано для пополнения зарубежных золотовалютных резервов. При этом 9 крупнейших финансовых корпораций США имеют рискованные вложения в деривативы на сумму более 300 трлн долл.

В 2001–2012 гг. в США было закрыто более 56 тысяч промышленных предприятий. Более 49 млн граждан США, по оценке *Gallup*, живут в семьях, где хотя бы один человек получает финансовую помощь от государства. По данным *Forbes*, 400 богатейших жителей США имеют большее состояние, чем суммарно 150 млн граждан со средним доходом. Исследование *Pew Research Center* показало, что доля среднего класса за последние 30 лет сократилась из-за снижения доходов с 61 до 51%, причем 85% заявляют, что им труднее поддерживать привычный образ жизни, чем 10 лет назад. За эти годы выросла с 14 до 20% доля высшего класса и с 25 до 29% — семей с низкими доходами.

- В ходе глобального кризиса не были разрешены системные противоречия между:
- ростом производства товаров и состоянием водных ресурсов, почвы, атмосферы, ростом природных и техногенных угроз;
 - глобализацией экономики и ее устаревшим национально-региональным регулированием;
 - ростом ликвидности крупного финансового комплекса и снижением рентабельности производственных инвестиций на затухающей фазе технологического уклада;
 - ростом хронической безработицы и социальной дифференциации в развитых странах при увеличении экологической нагрузки в быстроразвивающихся регионах;
 - социальной несправедливостью и утратой традиционной системы христианских ценностей.

В последние годы резко выросло число публикаций о системном кризисе капитализма [21] и необходимости перехода к новой системной модели [22]. В публикациях MIT [23] и Гарварда [24] системный кризис связывается с изменением глобальных условий хозяйствования в сфере энергетики, водных, лесных, нефтегазовых и иных ресурсов, с новой парадигмой глобального здоровья, кризисом парламентской демократии и новой ролью ислама в современном мире. Частные ТНК не могут заменить глобального регулирования, обеспечить переход к неиерархической демократии и новой экономической стратегии (Dominant strategies).

В докладе Всемирного экономического форума (2011 г.) выделены три категории экономических рисков, с распознаванием и предотвращением которых не может справиться действующая система: 1) макроэкономические, связанные с безудержным ростом финансовых рынков; 2) коррупция, организованная преступность и незаконная торговля; 3) истощение природных ресурсов.

При индустриальном капитализме деньги выступали в основном как средство обращения по формуле «товар — деньги — товар». При нынешнем рентно-долговом капитализме банки выпускают под виртуальные активы квазиденьги, а под их залог выдают реальные кредиты по формуле «деньги — деньги». По оценке американских экономистов, корпоратократия — союз правительств, банков и корпораций — приводит ко все большему несоответствию между системой управления и фундаментальными целями общества, к обогащению немногих и обнищанию большинства [25].

Усиление ТНК, как показано в публикации Пенсильванского университета [26], подорвало роль глобального свободного рынка, обострило его провалы в развитии АПК как одного из глобальных и системообразующих секторов экономики. Рост межрегионального неравенства (Space compression) и терроризма сопровождается превращением экономики производства в экономику удовольствий (Economy of Pleasure) и коллапсом экологии (Collapsing Ecologies) [27]. При усилении макроэкономического хаоса и социально-политической конфликтности лоббизм крупнейших ТНК позволил им приватизировать прибыль, нередко получаемую за счет «пустотной добавленной стоимости» (по образному выражению В. Якунина), национализировать убытки и возложить глобальные риски на общество. Скандал с крупнейшими банками мира по поводу ставки, определяющей будущую стоимость денег, ипотечных и других кредитов, подтвердил, что манипулирование конфиденциальной информацией о действительном состоянии рынка приносит триллионы долларов прибыли от торговли деривативами.

Еще полвека назад в розничной торговле США и других стран преобладали небольшие семейные магазины, продававшие товары местных производителей. В 2012 г. четверть всего продовольствия в США реализует *Wall-Mart*. Торговые сети развивают культ престижного потребления и навязывают покупателям через агрессивную рекламу ненужные товары и услуги.

Медицина еще недавно находилась в руках врачей, практикующих самостоятельно или в партнерстве. В 2012 г. две трети врачей США по оказанию первой помощи из-за высоких административных издержек стали сотрудниками крупных медицинских корпораций, требующих от них извлечения прибыли за счет увеличения оплачиваемого времени, сокращения срока приема пациентов, назначения излишних процедур и препаратов фармацевтических монополий. Реальная конкуренция уступает место договоренностям и лоббизму ТНК.

Системный кризис, социальный по своей природе, проявляется в росте хронической безработицы (Кейнс предвидел, что эта проблема станет главной в XXI в.), социального неравенства и иждивенчества, экологических угроз, кризисе духовных ценностей взаимного доверия и культуры из-за беспредельного индивидуализма, погони за наживой и манипулирования общественным сознанием. По расчетам консалтингового сайта *Shadow States.com*, безработица в 2012 г. превысила в еврозоне 11% (в Испании — 24%, в Греции — 22%, в США — 8%), но с учетом потерявших надежду найти работу или вынужденных работать неполный рабочий день — 11–20%, т. е. 23 млн человек. Число получателей продовольственных талонов увеличилось в 2000–2013 гг. с 20 до 46 млн человек. В России, по данным Минэкономразвития, доля пособий в совокупном доходе населения выросла в 2007–2011 гг. с 11 до 17,8%.

По данным *Boston Consulting Group*, 123 трлн долл., т. е. 40% мирового богатства (средства на депозитах, в акциях и облигациях без учета недвижимости и других материальных активов), принадлежит всего 0,9% домохозяйств. Россия занимает четвертое место в мире (после США, Великобритании и Германии) по числу ультрабогатых (более 100 млн долл.) семей. Их число в 2011 г. выросло на 13% (с 607 до 686), а богатства (1,3 трлн долл.) — на 21%. По данным газеты *РБК-Daily*, в компаниях, принадлежащих двадцати миллиардерам, работает 878 тыс. человек, в том числе в офшорном холдинге «Базовый элемент» (100% акций у О. Дерипаски) — 112 тыс. человек. От них зависят доходы 15% населения России. Миллиардеры контролируют 20% ВВП (в США — 6,5%, в Китае — 4%). При этом все крупнейшие компании (с капитализацией более 10% от самой крупной из них — Газпрома) возникли в ходе приватизации 1990-х годов. Таких компаний всего 18 (в Китае — 22, в США — более 300).

Либертарианцы выступают против перераспределения общественного богатства, за отказ от социального государства, которое уже не в силах предоставить обещанные избирателям блага, и соединения экономической свободы с социальной справедливостью. Это усугубляет системный кризис, оторванность власти и средств массовой информации от общества. По данным *Gallup*, рейтинг доверия теленовостям в США в 2003–2012 гг. упал с 64 до 21%. Существенные различия трех форм экономики представлены ниже. Объекты классификации (источник роста ВВП, форма капитала, тип фирмы и т. д. характеризуются в условиях индустриальной (1), рентно-долговой (2) и социально-инновационной экономики (3)).

Тип экономики: индустриальная, рентно-долговая, социально-инновационная.

Главный источник роста ВВП

1. Численность рабочей силы, производственный капитал, природные ресурсы.
2. Финансовые и другие непроеизводственные услуги и виды ренты.
3. Развитие и эффективное использование общественных производительных сил.

Преимущественная форма капитала

1. Частные предметы и средства труда.
2. Нерегулируемый финансовый капитал в виде производных ценных бумаг, валюты и т. д.
3. Инновационный, человеческий, социальный, организационный, инфраструктурный капитал.

Главный тип фирмы

1. Автономные корпоративные, семейные, государственные компании.
2. Глобальные финансовые группы, контролирующие ТНК.
3. Цепи поставок и создания стоимости, альянсы, кластеры при общественно-государственном партнерстве.

Тип конкуренции

1. Всеобщее состязание за снижение издержек и увеличение масштабов производства при антитрестовском регулировании.
2. Ограничение справедливой конкуренции глобальными финансовыми группами и местными кланами.
3. Совместные инновационные проекты конкурирующих компаний при гибкой системе контрактов, ценообразования и распределения прибыли на базе социальных стандартов, экологических и технологических нормативов.

Система общественных ценностей

1. Стремление к максимальной рентабельности при сохранении традиций социальной справедливости.
2. Развитие радикальной исламской нерыночной системы ценностей и финансовой ориентации.
3. Рациональное сочетание социальной справедливости и конкурентоспособности производства, развитие непосредственной демократии на базе социальных сетей, привлекающих граждан к принятию управленческих решений и контролю за их выполнением.

«Capitalism as we know it is dead. What will take its place? The road from ruin» – этот лозунг, сформулированный в журнале *The Economist* [28, p. 38], отражает крах системы, которую Ф. Фукуяма в своей работе «The end of history» (1992 г.) считал венцом развития общества.

Инновационная экономика и новая индустриализация

Инновационный капитализм, сменяющий индустриальный (XVIII–XX вв.) и рентно-долговой (конец XX и начало XXI в.), также направлен на максимизацию капитала. Его можно назвать постиндустриальным и социально-рыночным [29, с. 218–243]. В публикациях английских [30] и американских [31; 32] экономистов развиваются идеи Й. Шумпетера, Дж. Гелбрейта, Н. Валлерстайна, М. Кастелса, Дж. Стиглица, Э. Дельсото, Я. Корнаи о трансформации глобальных технологий труда, собственности, государства.

Политическая экономия нового капитализма [33] — междисциплинарная наука о поведении экономических агентов, включая государство, в современной глобальной экономике отвергает концепцию о всевластии рынка на базе рациональных ожиданий, свободной конкуренции, полной информированности его агентов, надежной оценки активов и хеджирования рисков. Соединение экономического, социологического, экологического и правового подходов позволяет разрабатывать не абстрактные модели, а практические рекомендации по решению структурных проблем. Еще А. Смит назвал «Исследование о природе и причинах богатства народов» политэкономией. Ныне

политические факторы, а не игнорирующие политику квантифицированные эконометрические модели определяют управленческие решения.

Дискуссия Дж. Кэя и Дж. Вудворда [34; 35] показала, что современные модели базируются на всестороннем анализе структур социальных связей, определяющих поведение экономических агентов. Новый капитализм — далекая от равновесия сложная адаптируемая система. Эконометрические методы призваны не только предсказать траекторию экономических переменных на основе теории статистических колебаний, но и объяснять качественные свойства системы с помощью конструктивных численных методов [36]. Анализ переходных экономик привел к пересмотру взглядов на роль государства, социальных институтов и политики, политических элит и банковского капитала [37]. Эволюционная теория, основанная на наследии Й. Шумпетера, становится базой новой политэкономии [38].

По данным исследования *New Research Center*, в 2012 г. лишь менее трети американцев, 16% европейцев и 7% японцев считали, что их экономика развивается правильно. В рыночную модель капитализма верят 34% мексиканцев, 44% греков и 47% испанцев. Только в 11 странах из 21, где проводился опрос, этот показатель превышает 50%. В Германии эта доля составляет 67%, но в Восточных землях она еще меньше — 48%. Клиенты банка *Sparkasse* в Хемнице (бывш. Карл-Маркс-Штадт) избрали К. Маркса из 10 претендентов на изображение на новой банковской карте. Резко снизилось доверие к современному капитализму в Польше и Чехии. Лишь в Турции (57%), Бразилии (65%) и Китае (83%) большинство удовлетворено развитием экономики страны. В России только 35% опрошенных считают, что при действующем экономическом строе напряженная работа улучшит их благосостояние.

Постиндустриальный капитализм связывается с развитием глобального общественного управления, государственно-частным партнерством, но не с возвратом к советской экономике, к капитализму без конкуренции (*Crony Capitalism*), при котором чиновники устанавливают привилегии для связанных с ними фирм.

Основные тенденции при переходе к социально-инновационному капитализму изложены ниже.

1. Изменение структуры факторов развития экономики. При индустриальном капитализме среди них преобладали материальные средства производства, находящиеся в частной собственности. К началу XXI в. в ряде стран, прежде всего в США, Великобритании и России, сформировался рентно-долговой капитализм. Главную роль в экономике стал играть финансовый капитал, растущий за счет различных форм ренты — перераспределения национального богатства с помощью монополии на дефицитные ресурсы, инсайдерскую информацию, властные полномочия и патенты.

Финансовая рента выступает, прежде всего, как прибыль от эмиссии мировой резервной валюты (США), ценных бумаг (по данным Всемирного банка, их оборот достиг двух квадриллионов долларов, причем четыре пятых обращается вне бирж по прямым договорам ТНК и финансовых посредников) и продажи инсайдерской информации на фондовом, валютном и земельном рынках.

Основные доходы российских капиталистов формируются за счет присвоения природной, земельной и административной ренты — платы за допуск частного бизнеса на рынки, предоставление ему различных льгот и ограничения конкуренции. Ее взимают чиновники и связанные с ними мафиозные структуры. Технологическая рента при рыночной патентной системе обрекает на отставание развивающиеся страны.

При инновационном капитализме основой экономики знаний становятся развитие и эффективное использование глобальных общественных производительных сил, которые преимущественно не могут находиться в частной собственности. К ним относятся не только наука, образование, глобальная инфраструктура (климато-метеорологическая, экологическая, энергетическая, водохозяйственная и т. д.), Интернет и другие глобальные информационные сети, но и социальная культура. Как показано в публикации Йельского университета [39], устойчивое развитие экономики ныне связано с состоянием образования, общественного здоровья, личной и экономической безопасности, окружающей среды и занятости (Multipurpose Solutions, Multidimensional Concept of Sustainability). Долгосрочное моделирование призвано учесть новые связи между монетарным и структурным анализом [40].

2. Возрастание роли сферы услуг (до 70–80% ВВП) на базе удовлетворения не только стандартных естественных нужд (питание, жилье, одежда), но и ранее не известных и вновь созданных потребностей человека (развитие и самореализация личности, увеличение продолжительности трудоспособной жизни, мобильный, оперативный и практически бесплатный доступ к информации и коммуникациям). При этом ограничение избыточного потребления приводит к снижению прироста ВВП в развитых странах с 4–5 до 1–2%, а в развивающихся — с 9–10 до 6–8% в год.

3. Формирование нового технологического уклада, соединяющего nano-, био-, информационные и когнитивные (управление деятельностью и поведением человека) технологии. Механическая обработка предметов труда заменяется их преобразованием на атомно-молекулярном и клеточно-генном уровне. Новый Кондратьевский цикл, по прогнозу экспертов, позволит размещать производство безотносительно к источникам традиционных видов природного сырья, заместить гигантские заводы высокотехнологичным малым и средним бизнесом в малых городах и селах. Это особенно важно для России, где из 150 тысяч деревень в 30 тысячах уже не осталось постоянного населения. Главное место в себестоимости займут не материальные и транспортные издержки, а обучение кадров, энергообеспечение, оплата труда и социального пакета специалистов, создающих в том числе дома без применения наемного труда, алгоритмы для производства материалов и готовой продукции по индивидуальным заказам.

4. Преобразование природы и структуры капитала как самовозрастающей стоимости. Наряду с материальным (основные фонды) и финансовым особое значение приобретает нематериальный капитал — инновационный (новые технологии, методы организации производства и управления), социально-организационный (уровень самоорганизации и взаимодоверия хозяйственных субъектов), человеческий (образование, квалификация, здоровье, трудовая и предпринимательская активность и этика), репутационный (гудвилл, измеряемый разностью капитализации и цены материальных активов).

Человеческий и социальный капитал определяет различия в производительности труда, секторальной структуре экономики и рынке труда. Это подтверждают конкретные исследования [41] и эконометрические модели, разработанные в Гарварде [42]. Россия по уровню образования и гендерного равенства занимает 41–42-е места, но по общему развитию человеческого потенциала — лишь 65-е место среди 109 стран из-за низкой средней продолжительности жизни, патентной и публикационной активности. Нематериальные активы на балансе фирм США и ЕС достигают 50–80%, а в России лишь 1–3%.

Реформы образования в России пока не привели к существенному улучшению его качества. Университеты должны органично соединять функции конкурентных производителей услуг для рынка труда и некоммерческих проводников новой инновационной культуры.

Экономика нематериальных активов требует нового правового механизма, при котором пучок прав собственности включает социально-экологические обязательства по использованию общественных ресурсов в интересах общества. К 2012 г. действовало более трех тысяч международных инвестиционных соглашений с обязательствами по корпоративной социальной ответственности, экологии и устойчивому развитию региона. Развивается третий (наряду с частным и публичным) сектор экономики — некоммерческое социальное предпринимательство.

5. Новая природа конкуренции и модель фирмы, которая превращается из автономной отраслевой микроэкономической структуры, производящей и реализующей товары и услуги, в участника мезоэкономической цепи поставок и создания стоимости. На базе долгосрочных контрактов здесь планируется и организуется научно-производственный цикл на определенном сегменте рынка. Иерархическая система вертикального подчинения заменяется сетевой структурой — договором равноправных агентов сети (кластера) о ценах и условиях взаимопоставок, распределения общей прибыли и т. д. Отраслевая специализация (по происхождению и методам обработки сырья) уступает место сегментной (по рынкам потребления продукции).

Современная сетевая теория фирмы [43] связывает ее устойчивость с освобождением от бюрократии клик фондового рынка (stock market bureaucracy) и формированием новой корпоративной системы. Аутсорсинг, сетевая логистика, специализация на ключевой компетенции создают гибкое производство (Agile Manufacturing [44], освобожденное от вспомогательных и обслуживающих цехов). От вертикальной интеграции, при которой поставщики товаров и услуг фиксированы и использовать преимущества глобальной конкуренции невозможно, крупные компании переходят к горизонтальной, оставляя за собой лишь стратегическое планирование, инжиниринг, логистику, сборку конечной продукции, ее послепродажное обслуживание, выбор на конкурсной основе поставщиков из различных стран. Всемирный банк в 2012 г. впервые провел анализ неакционерного сектора мировой экономики, представленного цепями поставок, альянсами фирм, управляющими компаниями и другими сетевыми структурами. Они объединены общностью логистики и нематериальных активов, а не имущества.

Для инновационного капитализма характерна кооперативная конкуренция, в которой война всех против всех заменяется сотрудничеством конкурирующих фирм в совместных инновационно-инвестиционных проектах. Это требует создания новой патентной системы, стимулирующей обновление производства, а не бесконечные тяжбы по поводу его имитации [45].

6. Новая роль государства в инновационной экономике, означающая не увеличение или уменьшение, а коренное изменение структуры публичных расходов. Во Франции они составляют 56%, в Италии и Великобритании — 50%, Германии — 45%, Испании и США — 40% ВВП [46].

Либертарианцы предрекали банкротство стран Скандинавии, где значительные социальные обязательства государства компенсируются высокими налогами. В Швеции налог на корпорации (более 26%) действительно высок, но благодаря достигнуто-

му уровню социального развития безработица (в 2012 г. 7%), инфляция (1%) и госдолг (35% ВВП) незначительны, происходит рост экспорта и курса кроны по отношению к евро. Финляндия, где высокие налоги обеспечили бесплатное высшее образование, одинаковое качество обучения во всех школах (в отличие от США), — одна из немногих в Европе сохранила наивысший кредитный рейтинг AAA.

В новой экономике государство должно регулировать распределение ренты, финансово-долговой рынок, конкурентоспособность приоритетных секторов, соотношение производительности и оплаты труда, производство общественных благ. Стратегическое целеполагание базируется на установлении социальных стандартов и технологических регламентов, заставляющих хозяйственных агентов, невзирая на прибыль, рационально использовать общественные ресурсы. Необходимо не смягчение финансовой политики (Quantitative Easing), а международное регулирование торговли деривативами и кредитными свопами. Недопустима ситуация, когда в США, по данным Дж. Стиглица [47], 40% прибыли корпорации получали за счет не связанных с производством финансовых манипуляций, а 70% инвестиций вкладывалось в недвижимость.

Важнейшей формой предпринимательства становится общественно-частное партнерство (ОЧП), при котором объект инвестиций не передается в частную собственность и не может быть заложен под кредит. Государство предоставляет инфраструктуру и финансовые гарантии, а отобранные по конкурсу компании выделяют денежные средства и организуют строительство, реконструкцию и эксплуатацию объектов энергетики, транспорта, ЖКХ, водного хозяйства и т. д.

В России развитию ОЧП препятствуют отсутствие федерального закона, непредсказуемость цен и тарифов. Партнерами частного капитала выступают не фонды развития, а госорганы, которые не являются юридическими лицами и не несут перед участниками ОЧП гражданско-правовой ответственности. Необходимо устранить дублирование функций и полномочий госорганов, передать надзорные функции самоуправляемым и страховым организациям, ассоциациям хозяйственных субъектов и потребителей.

По данным Центра правовых и экономических исследований Высшей школы экономики (ВШЭ), каждый третий из 7,5 млн предпринимателей побывал в течение последних лет под следствием, на 16% были заведены уголовные дела, более 90% из них — без исков потерпевших, по решению правоохранительных органов, нередко в интересах конкурентов и рейдеров. Изъятие оригиналов документов и жестких дисков компьютеров блокирует работу компаний, из которых две трети закрылись. Это подрывает предпринимательство как ключевой источник инновационного развития.

Противопоставление либеральной и дирижистской концепции не оправданно. Инновационное государство либерализует хозяйственное законодательство и правоприменение, отказывается от многих надзорно-разрешительных функций и в то же время усиливает глобальное регулирование на основе системы социальных стандартов, технологических и экологических регламентов и финансовых нормативов.

7. Преобразование культуры как совокупности институтов, регулирующих правила и традиции экономического, общественно-политического и бытового поведения, по мнению Д. С. Лихачева, включает религию, науку, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства. Инновационное общество отличается высокой степенью доверия между домохозяйствами, бизнесом и властью.

Современная институционально-эволюционная теория, в отличие от детерминистско-индивидуалистической, измеряет связи специфической культуры данной страны, определяющей стратегию модернизации [48]. Негативная и позитивная поляризация поведения в условиях кризиса требует новых форм социально-политического партнерства [49]. При этом увеличение среднего возраста населения, изменение модели семьи и гендерной дифференциации приводят к фрагментации системы ценностей и образа жизни, ограничивают консьюмеризм (Downshifting) и влияние рекламируемых брендов [50, с. 65, 68, 70].

Социальные сети (число пользователей Facebook к 2013 г. достигло одного млрд человек) порождают спад эмпатии (умения сопереживать, концентрировать внимание и т. д.), но в то же время создают неподконтрольные государству социальные связи и общественные движения. Краудсорсинг — новый класс инновационных сетевых систем позволяет привлечь массу заинтересованных людей к определению наиболее актуальных целей развития, экспертизе управленческих решений, контролю за их реализацией, отбору кандидатов на ключевые посты. Переход от представительной (через участие в выборах) к непосредственной демократии в обществе знаний базируется на свободном доступе к информации и инфраструктуре культуры.

Переход к инновационной экономике требует новой индустриализации — создания новых и повышения наукоемкости традиционных производств, обеспечивающих устойчивый спрос на нововведения и эффективную занятость. Рыночный фундаментализм привел США, Великобританию, Россию и ряд других стран к деиндустриализации. Как показано в публикациях [51; 52], вместо сетевой модели, дающей реальную экономию на транзакционных издержках (Incremental innovation), был избран более прибыльный путь — перевод производства в страны с низкой оплатой труда. С 2000 г. США потеряли около 10 млн рабочих мест, 98% одежды ввозится из-за рубежа.

В Нью-Йорке промышленность (опора среднего класса) практически ликвидирована. Бухгалтерия, торговые и юридические операции переводятся в другие регионы и страны. В Британских Виргинских островах с населением 30 тыс. человек зарегистрировано, по данным МВФ, 457 тыс. фирм, а на Каймановых островах — 75% хеджфондов мира. Треть населения Нью-Йорка, занятая в информатике, финансах, науке, юриспруденции, медицине, имеет высокие доходы, но две трети заняты в торговле, общественном питании и других сферах услуг, получая 20–30 тыс. долл. в год, из которых до половины уходит на оплату жилья. Эксперты настаивают на развитии в штате точного приборостроения, отделки тканей, трехмерной печати и т. д., чтобы создать и обновить 3,8 млн рабочих мест. В США в целом дорогостоящими услугами (финансы, инжиниринг, архитектурное планирование и т. д.) занято лишь 300 тыс. человек. Крупные ТНК («Форд», «Сименс», «Шарп», «Моторолла», «Рено-Ситроен» и т. д.) сокращают число сотрудников.

Различные страны используют свои конкурентные преимущества для поиска особых путей перехода к социально-инновационной экономике. В США применяют финансовую ренту для введения новых экологических и технологических нормативов, реформы образования и т. д. Страны Скандинавии, Германия, Канада, Австралия развивают экологические и высокотехнологичные сектора экономики на базе активной государственной поддержки и наименьшей социальной дифференциации. Германия, Австрия, страны Северной Европы в процессе аутсорсинга сохранили у себя инжиниринг и другие ведущие звенья цепей поставок. Дания стала мировым лидером по

разработке и производству энергоэффективного оборудования, а Швеция — по использованию возобновляемых источников энергии (к 2013 г. — 50% энергобаланса) и строительству энергоэффективных зданий.

Новая индустриализация в Китае основана на переходе от развития на базе дешевого труда, минимальных экологических, пенсионных и медицинских расходов, массового освоения зарубежных разработок к созданию стратегических отраслей с собственной логистикой (экологическая и энергосберегающая техника, информатика, биотехнологии, новые материалы и т. д.). Китай превзошел США по доле на мировом промышленном рынке (к 2013 г. более 30%), инвестициям в чистую энергетику (473 млрд долл. по плану на 2013–2017 гг.). *Petro China*, *China Unicorn* заняли в 2012 г., по данным Всемирного банка, пятое и восьмое места в списке крупнейших компаний мира.

Турция, несмотря на отставание в области технологий и гигантский разрыв в уровне жизни города и села, за 10 лет увеличила производство в 2,5 раза благодаря автомобильной, химической, текстильной, меховой, ювелирной, пищевой промышленности и энергетике.

В России в результате форсированной приватизации и отсутствия промышленной политики для владельцев предприятий, не приносящих природную ренту, наиболее рентабельной оказались продажа материальных запасов и оборудования на металлолом, сдача площадей в аренду. В Москве доля машиностроения в промышленном производстве уменьшилась в 1990-х годах, по данным Росстата, с 43 до 22%. Из 300 станкостроительных заводов в России сохранилось лишь несколько ремонтных фирм. В 2000–2009 гг. промышленный персонал сократился на 23,6%, а выпуск металлорежущих станков и шарикоподшипников — в пять раз. Удорожание добычи полезных ископаемых, рост расходов на экологию и техногенную безопасность при работах на большой глубине и на шельфе, снижение общей ресурсоемкости производства уменьшают роль сырьевых отраслей.

Особенно важны социальные проекты, изменяющие жизнь миллионов людей. По опыту восточных земель ФРГ, замена 1 млн км устаревших сетей водо- и теплоснабжения позволяет резко сократить расходы ЖКХ, уменьшить роль мафии в этой отрасли, резко улучшить комфорт жизни. На базе ООП необходимо массовое строительство энергоэкономичного жилья на ведомственных и полузаконно приватизированных землях. Локомотивом развития экономики должны стать станко- и дорожно-строительное машиностроение, лесной и рыбопромышленный комплексы, ввод в эксплуатацию с помощью кооперативной системы сбыта 40 млн га, выведенных из сельскохозяйственного оборота. Миллионам людей поможет создание новой отрасли социальной инфраструктуры для проживания больных и пожилых людей в сельских регионах, где население не имеет работы.

Обзор инновационных программ [53, с. 68, 69, 71] показал, что большинство российских регионов не готово к развитию и внедрению высоких технологий. Форсирование расходов на НИОКР при отсутствии массового спроса на нововведения не обеспечит обновление экономики.

Новая индустриализация, в отличие от первичной (в первой половине XX в.), рассчитана не на привлечение сельских трудовых ресурсов и новых источников сырья, а на создание сетевых инжиниринговых платформ, обеспечивающих трансфер зарубежных и отечественных технологий в традиционное и новое производство. Военно-

промышленный комплекс призван обеспечить развитие гражданского авиа-, судо-, авто и энергомашиностроения, электроники, приборостроения, медицинской техники на базе автоматизированного цифрового проектирования и управления жизненным циклом продукции.

Добывающая индустрия, лесной и водный комплексы, АПК могут и должны стать высокотехнологичными на базе углубления переработки сырья. До сих пор, по данным ВШЭ, Канада и Финляндия получают с одного кубометра заготовленной древесины 500–530 долл., Малазия — 627, а Россия — лишь 90. Пресечение контрабанды из азиатских стран и создание цепей поставок с переносом наиболее трудоемких операций в трудоизбыточные регионы позволят возродить легкую промышленность [54]. Новая индустриализация предполагает создание и модернизацию 20 млн рабочих мест, в том числе на базе импортозамещения в фармацевтике, производстве мясных, рыбных и других продуктов. Импорт занял даже рынок бутилированной воды в водообеспеченной стране (1,5 млрд долл.).

Производительность труда как критерий оценки новой индустриализации

Производительность труда, как справедливо отметил В.И. Ленин, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. В развитых странах в 1850–2010 гг., по оценке Всемирного банка, она выросла в 20 раз, что привело к новому качеству жизни. Производительность в России, по оценке Росстата, как в начале XX в., так и в советские годы и до настоящего времени остается в 2,5 раза ниже, чем в странах ОЭСР, и в 3–4 раза ниже, чем в США. По данным *US Bureau of Labor Statistics*, в 1980–2000 гг. среднегодовой темп прироста производительности составлял 2,2–2,6%, а в 2000-х годах — около 3,5%. Среди факторов ее долговременного роста в 1948–2001 гг. преобладали сдвиги в технологии (1,15% в год), капитальные инвестиции (0,82%) и улучшение качества труда (0,23%). Как показало исследование ОЭСР [55], производительность в современной экономике следует измерять по отношению к затратам не только живого, но и овеществленного в материалах, энергии и основных фондах труда (Multi-factor productivity). От неоклассических моделей рыночного равновесия Solow-Swan, Cass-Коорманс исследователи переходят к динамическим и стохастическим моделям, учитывающим роль человеческого и социального капитала [56]. При сравнении производительности США и стран ЕС оценивалась роль инноваций, аутсорсинга, квалификации и качества труда [57].

Учет ресурсоемкости особенно важен для России, где энергоемкость промышленности, по данным Американского совета по энергоэффективности, в 2 раза выше, чем в Китае, и в 2,5–3,5 раза — чем в США и ЕС. КПД электростанций с учетом потерь в сетях составляет всего 21%. При этом Россия занимает лишь 33-е место в мире по энерговооруженности на душу населения. До 60 млрд кубометров природного газа до сих пор сжигается в факелах, нанося ущерб экологии. На отопление одного кв. метра жилья расходуется в 5–6 раз больше энергии, чем в Норвегии и Швеции, хотя удельный расход бетона (0,9 куб. м) и металлоарматуры (90 кг) на строительство в расчете на один кв. м вдвое больше, чем в ЕС (соответственно 0,4 куб. м и 48 кг). На выработку одной тонны цемента расходуется более 220 кг условного топлива — в 2,4 раза больше, чем в ЕС.

Соотношение производительности и оплаты труда определяет ее удельный расход на единицу продукции и себестоимость. По данным *Bloomberg*, средняя зарплата в Копенгагене составляет 150% к уровню Нью Йорка, в Цюрихе — 130%, в Москве — 25%, в Джакарте — 6,5%, что примерно соответствует различиям в производительности труда. По оценке *Investinustria.at*, в 2008 г. часовая выработка в Люксембурге и Норвегии составляла 55–60 долл., в США — 45, в Германии, Нидерландах, Австрии — 40–43, в Польше, Венгрии и Чехии — 22–25 долл. Удельный расход зарплаты на единицу продукции в 1996–2006 гг. вырос в Чехии, Италии и особенно в Великобритании на 32%, снизился в Швеции и Финляндии на 25–32%, в Германии и Австрии — на 15%, что определило рост их конкурентоспособности.

В промышленности России, по данным Росстата, зарплата в 2007–2012 гг. увеличилась вдвое (с 13,5 до 26 тыс. рублей в месяц) при сокращении нормы сбережений и росте потребительских кредитов (в 2012 г. на 40%) в условиях дефицита кадров (в 2013 г. на одну вакансию приходилось всего 0,8 зарегистрированных безработных). Оплата росла втрое быстрее производительности труда. По данным Центра трудовых исследований ВШЭ, доля занятых в теневой экономике достигла 30%, а новых рабочих мест создается только 8–9% в год (в развитых странах — 10–15%). Средняя рентабельность промышленности в России — около 8% (в добывающей промышленности — 15–20%). При инфляции в 7% цена кредита с учетом премии за риск и маржи банков достигает 10%, что делает кредит недоступным для обрабатывающей индустрии. В результате себестоимость тонны удобрений в 2001–2010 гг. выросла в 2,6 раза, бензина — в 3,1, асфальта и металлопроката — в 3,7, угля — в 4,2, природного газа — в 6 раз. По данным Центра конъюнктурных исследований ВШЭ, в 2012 г. при средней загрузке мощностей 73% лишь 17–20% фирм проводили инновации, повышающие производительность, до 45% не рисковали вкладывать средства в модернизацию, а каждая третья фирма имела отрицательную добавленную стоимость и высокую задолженность, выживая лишь за счет субсидий.

Производительность постиндустриальной экономики нельзя оценивать по ВВП без учета внешнего эффекта (экстерналий), связанных с развитием нематериального капитала и экологии. Во-первых, ВВП не учитывает индикаторы качества жизни — продолжительность трудоспособной жизни (*quality adjusted life — years*), заболеваемость, инвалидность, занятость, доступность образования и жилья, число семей с доходами ниже прожиточного минимума и базовых характеристик среднего класса, безопасность и условия ведения бизнеса. Для их оценки используются международные индексы счастья (*happy planet index*), качества жизни (*quality of life*), человеческого потенциала (*human development*), мотивации труда, качества трудовых отношений и участия персонала в управлении (*stakeholder economics*) [58]. При этом индекс счастья, по оценке *New Economics Foundation*, в Коста-Рике и Китае оказался выше, чем в США, несмотря на значительно меньший душевой ВВП.

Во-вторых, ВВП не учитывает расход невозпроизводимых ресурсов на единицу конечной продукции, выброс отходов, уровень их переработки, карбонизацию производства (*carbon intensity*), воздействующую на изменение климата [59]. Более того, ресурсосбережение, особенно на импортном оборудовании, уменьшает ВВП, так как не требует увеличения добычи сырья.

В-третьих, до 80% ВВП производится в сфере услуг, нередко ненужных и даже вредных для общества, а также в теневой экономике. ВВП зависит от учетной полити-

ки, так как учитывает лишь приобретаемые, но не оказываемые в семье услуги, динамику валютного курса, рост госрасходов. Россия обогнала Германию по размерам ВВП с учетом ППС, хотя 70 млн работников в России производят вдвое меньше реального продукта, чем 40 млн в ФРГ.

Необходима разработка новых моделей и ключевых показателей комплексной общественной производительности (key performance indicator) на глобальном, национально-региональном, секторальном и локальном уровнях. Финансовый отчет фирм дополняется интегрированными индикаторами устойчивого развития [60, с. 8, 9]:. Оценку общественной производительности информационной экономики целесообразно проводить с учетом: во-первых, эффективности труда овеществленного в материально-энергетических и капитальных ресурсах; во-вторых, на базе социальных стандартов, характеризующих занятость, качество здравоохранения, образования и социальных услуг; в-третьих, соотношения производительности и оплаты труда, технологических регламентов, устанавливающих требования к эффективности и безопасности расходования природных и других общественных ресурсов. Комплексная производительность имеет глобальное значение: все страны и сектора экономики заинтересованы в ее повышении у партнеров, так как это увеличивает спрос на высокотехнологичные товары и услуги.

Среди основных групп индикаторов выделяются: 1) реализация товаров и услуг, связанных с производственными инвестициями и развитием нематериального капитала (ВВП за вычетом финансовых, государственных и других услуг, не относящихся к этой категории) по отношению к числу занятых, расходу материальных, энергетических и капитальных ресурсов (фондоотдача) и в расчете на душу населения; 2) соотношение производительности и оплаты труда; 3) доля граждан, чье потребление товаров, жилищных, образовательных, медицинских, культурных услуг не достигает установленных законом социальных стандартов; 4) средняя продолжительность трудоспособной жизни, потери от социально обусловленных заболеваний и инвалидности; 5) безработица и занятость, в том числе на высокотехнологичных рабочих местах; 6) расход невозпроизводимых природных ресурсов на единицу конечной продукции, объем и переработка отходов производства и быта в сравнении с технологическими нормативами; 7) стабильность численности населения с учетом рождаемости, смертности и миграции; 8) удовлетворенность качеством жизни, уровень доверия к власти и бизнесу.

По данным исследования Маккинзи, более половины отставания России по производительности от развитых стран может быть преодолено за счет улучшения организации фирм, логистики бизнес-процессов, управленческих процедур, технологических регламентов, ликвидации неконкурентоспособных компаний и барьеров, препятствующих конкуренции. Финансирование за счет повышения налогов и сокращения социальных расходов подрывает обновление экономики [61, с. 8]. Новая индустриализация возможна только на базе создания системы инновационных институтов [62].

Основные выводы

1. Наиболее острая фаза финансового и экономического кризиса прошла, но системный социальный кризис продолжается. Выход из него требует смены самой общественно-экономической формации.

2. Эта смена заключается в переходе от индустриального и рентно-долгового к инновационному капитализму. Он по-прежнему базируется на горизонтальных связях автономных владельцев капитала, стоимость которого возрастает благодаря самостоятельно принимаемым ими управленческим решениям. Прогностический анализ позволяет выделить основные черты инновационного капитализма.

3. Для перехода к инновационной экономике необходима новая индустриализация, обновление и развитие на базе современных технологий и глобальных цепей поставок многих традиционных производств.

4. Критерием эффективности новой индустриализации является комплексная общественная производительность труда. Предстоит разработать модель и методику ее оценки, уточнить перечень и сравнительную значимость ее показателей на национальном, секторальном и локальном уровнях.

5. Программа модернизации экономики не может ограничиваться совершенствованием финансово-бюджетной и административной политики. Резкое повышение общественной производительности труда требует формирования новой системы социальных институтов и критериев оценки эффективности всех звеньев экономики, развития глобальных сетей-поставок, прежде всего со странами ОЭСР, СНГ и Юго-Восточной Азии.

Литература

1. Financial Times 29.06.2012.
2. URL: <http://www.weforum.org> (дата обращения: 29.04.2013).
3. In the Wake of the Crisis: Leading Economics Reassess Economic Policy / eds O. Blanch et al. Cambridge: MIT press, 2012. 174 p.
4. Ferguson N. The Ascent of Money. London, 2008. 447 p.
5. Wall Street and the Financial Crisis: Anatomy of a Financial Collapse. Washington: Permanent Subcommittee on Investigations, 2011. 639 p.
6. Pally T. From Financial Crisis to Stagnation: the Destruction of Shared Prosperity and the Role of Economics. New York: Cambridge University Press, 2012. 238 p.
7. Petzakis P. The Greek Economy and the Crisis: Challenges and Responses. Berlin, 2012. 450 p.
8. Комсомольская правда. 2012. 3 авг.
9. Brown R., Nakajima T. Why Prices don't Respond to a Prospective Sovereign Debt Crisis. Tokyo, 2012. 37 p.
10. The Consequences of the Global Financial Crisis: the Rhetoric of Reform and Regulation / eds W. Grant, C. Wilson. United Kingdom, Oxford, 2012. 272 p.
11. Апокин А. Мировая экономика в долгосрочной перспективе: цели и задачи субъектов // Вопросы экономики. 2012. № 6. С. 89–109.
12. Azchibugi D., Fillipetti A. Innovation and Economic Crisis: Lessons and Prospects from the Economic Downturn. London, 2012. 184 p.
13. Crisis, Innovation and Sustainable Development: the Ecological Opportunity / eds B. Lapezche, N. D. Levratto. United Kingdom, Uzunidis Cheltenham, 2012. 366 p.
14. Innovative Thinking in Risk, Crisis and Disaster Management / ed by S. Beibett. Barington, 2012. 277 p.
15. Critical Companion to Contemporary Marxism / eds J. Bidet, S. Kouvelakis. Leiden, 2008. 813 p.
16. Carchedi S. Behind the Crisis: Marx's Dialectics of Value and Knowledge. Leiden, 2011. 303 p.
17. Рязанов В. Т. Мировой финансовый кризис и экономика России: точка разворота? // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 1. С. 3–21.
18. Рихтер К. К., Пахомова Н. В. Мировой кризис, ответственность ученых и драйверы развития экономической науки // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2009. Вып. 3. С. 12–20.
19. Lardy N. Sustaining China's Economic Growth after the Global Financial Crisis. Washington, 2012. 181 p.
20. The Wall Street Journal. 16.07.2012. URL: <http://europe.wsj.com/home-page> (дата обращения: 16.07.2012).

21. Beyond the Global Capitalist Crisis: the World Economy in Transition / ed by B. Berberouglu. Barington, 2012. 201 p.
22. Navarro A. Global Capitalist Crisis and the Second Great Depression: Egalitarian Systemic Models for Change. Lanham, 2012. 408 p.
23. Turner A. Economics after the Crisis: Objectives and Means. Cambridge: MIT press, 2012. 108 p.
24. Global Crisis and the Crisis of Global Leadership / ed. by S. Gill. Cambridge, 2012. 299 p.
25. Перкинс Дж. Тайная история американской империи. Экономические убийцы и правда о глобальной коррупции. М.: Альпина бизнесбукс, 2008. 445 с.
26. Vonannon A., Constance D. Stories of Globalization: Transnational Corporations, Resistance and the State. Pennsylvania State University, 2008. 321 p.
27. Lewis S. Crisis in the Global Mediasphere: Desire, Displeasure and Cultural Transformation. Basingstoke, 2011. 244 p.
28. The Economist. 30.01.2010.
29. Бляхман Л. Три цвета экономического времени. Свершения и проблемы российской экономики. СПб., 2011. 247 с.
30. Dougan K. New Capitalism: the Transformation of Work. United Kingdom; Cambridge, 2009. 234 p.
31. Halal W. The new capitalism. New York, 1986. 486 p.
32. Doing Well and Good: the Human Face of the New Capitalism / ed by S. Friedman. Charlotte, 2009. 240 p.
33. Political Economy and the New Capitalism / ed by S. Toporowski. London, 2000. 204 p.
34. Кей Дж. Карта — не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 4–13.
35. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 14–21.
36. Фоули Д. Математический формализм и политэкономическое содержание // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 82–90.
37. Элман М. Что исследование переходных экономик дало мейнстриму экономической теории // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 98–121.
38. Маевский В. Корнаи, Шумпетер и экономическая теория // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 145–152.
39. Ashford N., Hall R. Technology, Globalization and Sustainable Development: Transforming the Industrial State. New Haven, 2012. 720 p.
40. Weldens P. Innovations in Macroeconomics. 3th ed. Berlin, 2011. 634 p.
41. Economic Growth and Structural Features of Transition / eds E. Marelli, H. Sighnoretta. Basingstoke, 2010. 314 p.
42. Macroeconomic Performance in a Globalizing Economy / eds R. Anderston, S. Kenny. Cambridge University Press, 2011. 280 p.
43. De Lange D. Cliques and Capitalism: a Modern Networked Theory of the Firm. New York, 2011. 356 p.
44. Enterprise Networking and Logistics for Agile Manufacturing / eds L. Wang, L. Rog. London, 2010. 408 p.
45. Cursolito B. Competition, Immigration and Financial Change: Equality vs. Variety. Washington: The World Bank, 2009. URL: <http://www.weforum.org> (дата обращения: 29.04.2009).
46. The Economist. 31.03.2012.
47. Ведомости. 07.02.2011.
48. Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 37–44.
49. Яковец Ю. Закон поляризации и социально-политического партнерства в кризисных ситуациях // Экономические стратегии. 2012. № 5. С. 74–77.
50. Липсиц И. Трансформация культуры и изменения в моделях потребительского поведения // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 64–79.
51. De-industrialization: Social, Cultural and Political Aspects / eds B. Altena, M. Van der Linden. Cambridge University Press, 2002. 175 p.
52. Whitford S. The New Old Economy: Networks, Institutions and the Organizational Transformation of American Manufacturing. Oxford University Press, 2005. 220 p.
53. Балякин Ф., Жулего В. Модернизация России и высокотехнологические кластеры в сфере нанотехнологий // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 66–81.
54. Круглик А. Настоящее и будущее легкой промышленности // Экономические стратегии. 2012. № 3. С. 24–31.
55. Productivity Measurement and Analysis / eds J. Dupont, T. Sollberger. Paris: OECD, 2008. 552 p.

56. *Novalles A., Fernandez E., Ruiz S.* Economic Growth: Theory and Numerical Solution Methods. Berlin: Springer, 2010. 528 p.

57. Divergences in Productivity between Europe and the US: Measuring and Exploiting Productivity Gaps between Developed Countries / eds G. Cette, M.J. Fouquin, H.-W. Sinn. United Kingdom; Cheltenham, 2007. 246 p.

58. Labor Productivity, Investment in Human Capital and youth Employment: Competitive Development and Global Responses / eds R. Olamptin et al. Austin, 2010. 252 p.

59. *Mattoo A.* Can Global De-carbonization Inhibit Developing Country Industrialization? Washington: The World Bank, 2009. 30 p.

60. *Лессидренска Т.* Интегрированный отчет — платформа для управления компанией // Экономические стратегии. 2012. № 5. С. 8–9.

61. *Бляхман Л., Чернова Е.* Две модели финансирования новой индустриализации // Проблемы современной экономики. 2012. № 2. С. 7–12.

62. *Бляхман Л.* Институциональные основы модернизации российской экономики // Проблемы современной экономики. 2012. № 1. С. 3–14.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2013 г.